

Мятежная галера

Историческая повесть

(Окончание. Начало в № 4)

ришла ночь надежды.

Уснули турки. Меряют часовые шагами палубу. Сильвестр тайком принёс и раздал гребцам сабли и кинжалы, правда, достались они немногим. Оружием остальных станут собственные цепи и кандалы. Ключи к ним тоже похитил Сильвестр. Микула, скользнув ужом, принёс порох, заложил под шёлковый шатёр, в котором спали Апты-паша и тридцать семь его верных стражей-янычар.

Ещё секунда – в ладонях Мошкина затеплился фитиль. Вожака попытался прикрыть собой ближний из гребцов – Ивашка Лукьянов, да помешала цепь. Блеснул огонь. Заметивший вспышку часовой что-то закричал по-турецки. Ивашка совсем растерялся, загремел кандалами. Гребцы замерли.

А в следующее мгновение раздался спокойный голос Ивана Мошкина:

– Трубку раскуриваю – табаку дымного хочу пить...

– Спать, собака! – уже по-русски выругался турок.

Несколько секунд он напряжённо вглядывался в темноту, а потом вновь зашагал по палубе.

Немного переждав, Мошкин сунул фитиль в порох, струйкой насыпанный на палубе. Струйка окуталась дымом, но не вспыхнула. Отсырел, видать, порох. Господи, помоги!

А время уходило...

Мошкин знаком подозвал Сильвестра. Попшептавшись с Иваном, испанец исчез и быстро вернулся с горячими углами, обёрнутыми в тряпицу. Их и швырнули на порох.

Грохнул взрыв. Мошкина отбросило в сторону. Не обращая внимания на боль, он вскочил. Услышал стоны раненых, увидел горящие обломки досок. И тотчас бросился к скамье, под которой запрятал принесённую Сильвестром саблю.

Турки в панике стали прыгать за борт, но тут загремел голос Апты-пши. Уцелел капитан при взрыве.

Мошкин кинулся сквозь дым и огонь на го-

лос. Левой рукой подхватил цепь – снять её он так и не успел, а в правой сжимал саблю.

Скрестились сабля и ятаган. Закружили по палубе турецкий паша и русский стрелец. Сверкнул клинок – пронзил турка.

Невольники – кто с кинжалом, кто с саблей, кто со снятыми кандалами, а кто-то и просто с обломком доски – бросились на мучителей. И тяжёлые цепи не могли остановить их. Засвиствели стрелы. Сразу две впились в Мошкина. И тотчас кинулся к нему старый солдат-турок. Но его опередили. Вышибли из рук оружие, а самого, раскачивав, швырнули в море.

Звон клинков, крики ярости и боли сменил скрежет железа. Торопливо, помогая друг другу, гребцы сбивали остатки оков. Освободившись, бросились к канатам, чтобы поскорее распустить паруса. Но те не поддавались. Тогда самые проворные, и первый среди них конечно Родька, вскарабкались по верёвочной лестнице на мачты. И здесь увидали турок – бледных от страха, укрывшихся за свёрнутыми парусами.

Насмерть перепуганные горе-вояки рассмешили победителей. И новые хозяева галеры великодушно даровали им жизнь.

Легко летит белоснежная красавица галера. На верхней палубе – кое-как обмотанные рыбаками от крови тряпками Иван Мошкин и товарищи его верные, стрельцы белгородские. Измодёенные, обтянутые жёсткой, обветренной кожей лица. Горячечный блеск глаз, полных ожидания встречи с дорогими и близкими, встречи с родной землёй, с Белой горой над Донцом и меловыми скалами Оскола.

«Где же вы, мои ненаглядные, жёнушка любезная да детушки милые?» – читается в глазах у Филиппа Кореплясова.

«Живы ли вы, матушка и батюшка мои родимые?» – шепчут губы Родьки Дементьева.

«Когда ж увижу вновь тебя, раздолье рус-

ское?» – горит нетерпением сердце Ивашки Лукьянова.

И только в ясных, как воды Тихой Сосны, глазах Ивана Мошкина светится спокойная и неколебимая вера в то, что непременно вернутся все они на Родину, да и послужат ей ещё, как и служили, верой и правдой, до своего страшного плены и чудесного освобождения.

Одного они не ведают, каким долгим будет их путь к отчёму краю, к чернозёмной русской земле. Сколько стережёт их на том пути испытаний, лишений, соблазнов! Безбедную жизнь, красивое платье и ще-

дрое жалованье посылают им слуги короля испанского, когда ступят беглецы на «землю Шпанскую», исполняя данное Сильвестру обещание вернуть его на родину. Повторится это и в итальянской Венеции, и в земле Цесарской (Швейцарской), и в земле Мадьярской (Венгерской). За твёрдый отказ служить иностранцам у них отберут и галеру, и богатые трофеи. А самих заточат в застенок, подвергнут унижениям и пыткам...

И всё равно, пеши и наги, босы и голодны, упрямо будут идти они на восток, навстречу рассвету, навстречу солнцу, прочь из постылой чужбины, и еле живые всё-таки доберутся до родимой Руси.

А пока они на взятом дерзкой смелостью и крепостью духа мощном, военном корабле.

Первые мгновения свободы. Ветер гудит в вышине, чуть слышно звенят паруса. Красавица галера легкокрылой белой птицей летит над волнами. И гребцы дружно налегают на вёсла – никогда ещё они не были так легки и послушны. И глядят, глядят вперёд русичи, готовые всё пройти, всё вынести на тернистом, но единственно милом сердцу пути на Родину.

Борис ОСЫКОВ

